

Символическая политика и дискурсивные практики

УДК-32(470+571)

РЕЧЕВАЯ МОДА В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ 2000-2010 ГГ.)

И.В. Николаев

В статье обосновывается динамика речевой политической моды на определенные слова-символы. В России перового десятилетия XXI века таковыми являются «стабильность», «модернизация», «сила», «государство», «угроза», «кризис» и др. Посредством контент-анализа исследуется трансформация речевой моды и коммуникативных стратегий второго и третьего президентов РФ. Пояснены функции и свойства речевой моды в России, а также основные проблемы, связанные с существованием данного феномена.

Ключевые слова: политическая речевая мода, слово-символ, частотность, дискурс, контент-анализ.

*Люди увлекаются не модой,
а теми немногими, кто ее создает
Коко Шанель*

Политическая реальность является символическим полем, акторы которого совершают те или иные действия с политическими символами. Конструирование и оперирование символами есть ключевая технология управления и манипулирования обществом. Один из ключевых символов власти, выраженный не в материальном эквиваленте, а в знаковом — это политический язык. Он станет предметным полем данного исследования, в котором мы попытаемся выделить ключевые признаки моды на специфическую терминологию. Идея исследования в том, что доминирующие понятия «модернизация», «стабильность» и многие другие являются словами-символами существующего политического режима, элементами господствующей политической моды.

Под политическим языком мы, вслед за Д.А. Мисюровым, понимаем знаковую систему, содержащую в себе специфическую терминологию, специальные грамматические конструкции и др.¹ Его элементы обладают синтактикой, т. е. активно взаимодействуют между собой (к примеру,

1. Мисюров Д.А. Политика и символы. - М.: РИП-холдинг, 1999. С. 56.

современная двойственность «модернизационных» и «стабилизационных» терминов в дискурсе власти), в значительной степени размытой семантикой (отношением к предмету, который несмотря на абстрактность, может быть определен) и прагматикой, что является наиболее существенным для функциональности политического языка как символической системы. То, каким образом каждый конкретный человек, включенный в политический процесс, понимает те или иные знаки политического языка, является его отношением к политическому режиму в целом. В частности, сегодня осмеяние «модернизации» в некоторых оппозиционных дискурсах может говорить только о критике режима Д.А. Медведева.

Следует отметить, что политический язык не однороден. «Разделение двух сфер политической коммуникации — публичной и внутренней, — пишет Т.Б. Щепанская, — заставляет предположить разделение циркулирующих в них текстов, различие их жанровых форм и правил актуализации, а также задействованных в них знаковых систем»². Публичный политический язык упрощен и идеологичен. Внутренний служит для демонстрации дистанции между обществом и властью предрержащими.

Свойством публичного политического дискурса, ориентированного на широкие массы потребителей, также является существование в политическом дискурсе доминантных слов и терминов. Частое использование определенного круга терминов — слов-символов, может объяснять существование политической моды на эти понятия. Идеи о существовании слов-символов в политическом языке были высказаны Л. Максименковым в контексте его исследования понятия «культ личности» и его эволюции в советский период³. Однако автор акцентировал внимание на качественных характеристиках, на степени соответствия явления и понятия. Мы, в свою очередь, будем анализировать феномен слов-символов с точки зрения количественных показателей, не отказываясь в то же время и от вопросов сущностного характера. Далее мы попытаемся обосновать, что доминирование в политическом дискурсе слов-символов современного политического режима в России стало проявлением речевой моды и несет в себе ключевые характеристики этого социального явления.

Не то повторяемо, что модно — но то модно, что повторяемо

Мода есть социальный феномен подражания авторитетам, эталонам прекрасного, который является зеркалом ситуации, сложившейся в обществе. Как пишет Р.П. Андреева, «ничто не является более типичным и живописным, более соответствующим характеру, духу и нравственности известного народа или известной эпохи, чем господствующая тогда мода... Мода является точным указателем господствующих идей данных эпох»⁴.

2. Щепанская Т. Б. Символическая репрезентация власти: атрибутика // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В.Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе.— СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2006. С.324.

3. Максименков Л. Культ: заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свободная мысль. 1993. № 10.

4. Андреева Р.П. Энциклопедия моды. - СПб.: «Литера», 1997. С. 3.

Мода, однако, всегда запаздывает, так как нуждается в поклонении многих. Согласно концепции Ж. Бодрийера, мода — это несвоевременное явление, оно предполагает остановку течения времени и процесса эволюционирования эстетических или политических образов («замирание форм» в терминологии исследователя). Они, в свою очередь, представляют собой эталоны, не имеющие темпоральной характеристики, что не мешает им оставаться эффективными в деле конструирования реальности. Способность таких форм «вновь появиться в настоящем времени, заражая его своей несвоевременностью, чарами призрачного возврата, противостоящего структурному становлению»⁵, является залогом дееспособности феномена моды в социальном пространстве.

Из тезиса, вынесенного в название раздела ясно, что мода не появляется сама по себе, она является продуктом конвенции, признания со стороны многих акторов политического пространства. Возникает проблема субъектов, способных влиять на формирование моды в политическом пространстве. «Язык спектакля — заявляет Г. Дебор, - конструируется посредством знаков господствующего производства, в то же самое время являющихся и конечной целью этого производства»⁶. При этом следует учитывать, что ключевой актор формирования политической языковой моды есть государственный аппарат в лице «национальных лидеров» и т. п.

Несмотря на то, что мода является синтетическим продуктом, она имеет колоссальные манипулятивные свойства. Взаимоотношения общества и моды, таким образом, имеет обратную связь в виде взаимного конструирования. Субъекты политического пространства прилагают усилия по формированию моды, в то время как зародившаяся мода уже имеет влияние на ключевых субъектов-носителей. Ж. Бодрийер пишет: «Мода может пониматься как самый поверхностный и самый глубинный из социальных механизмов — через нее код властно сообщает всем другим областям свою инвестицию»⁷. Политическая мода на слова есть определенный код, обладание которым есть демонстрация принадлежности к власти имущим, к «божественному сонму», либо лояльности таковому. Отказ от нее есть предательство господствующего в массовом сознании образа политического режима, что крайне не желательно для акторов, формировавших его.

Характеристики российских лидеров отличаются тенденциями к авторитарности или централизации власти и авторитета в одних руках. Человек-символ, на роль которого претендуют и бывший и нынешний президенты России, «должен выражать конкретные идеи, быть связанным с определенными событиями, отражать интересы конкретной общности, но в то же время быть не до конца понятным»⁸. Речи президентов насыщены

5. Бодрийер Ж. Символический обмен и смерть — 4-е изд. - М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2011. С. 170.

6. Дебор Г. Общество спектакля. - М.: Издательство «Логос», 2000. С. 24.

7. Бодрийер Ж. Указ. соч. - С. 169.

8. Мисюров Д.А. Указ. соч. - С. 49.

терминами, сложными для понимания большинством реципиентов сообщения. Общество представляет собой массу профанов, не профессиональных политологов и экономистов, а обычных людей. Использование слов «диверсификация», «транспарентность», «модернизация», «инновации» - это демонстрация того, что лидер и его аппарат является носителем некоего высшего знания, неподвластного обычному народу.

Отметим, что высокий уровень распространенности термина в публичном дискурсе, каковым обладают большинство политических терминов, не гарантирует понимания его внутреннего содержания. «Специальный язык оказывается лишен свойства тайноречия. (...) Тем не менее, этот «недостаток» компенсируется за счет такого свойства политического языка, как его расплывчатость, смысловая неопределенность»⁹. Так ключевыми инструментальными словами-символами, доминирующими в политическом дискурсе, являются «государство», «власть», «закон», «задача», «эффективность». Эти термины используются в речи без заметной символической нагрузки. Однако российский контекст выдвигает на первый план этикетные традиции. Инструментальные по своей функциональности слова становятся идеологическими. Как пишет аналитик «Новой газеты» в статье «Тандемогия», «общая растерянность, отсутствие ориентиров побуждает искать их с помощью того же языка: поиск абсолюта, своего рода *философского слова* (по аналогии с камнем)»¹⁰. Это правило автор отнес к публичному дискурсу, т. е. к дискурсу профанов, но мы склонны использовать этот тезис и в отношении дискурса власти. Во властной среде периодически возникают тенденции «поклонения» тем или иным словам, которые в контексте данной работы мы утрировано назвали словами-символами и считаем проявлением политической речевой моды.

По утверждению Мисюрова, «по частоте появления в СМИ тех или иных выражений политического языка можно судить о приоритетах общества»¹¹. Добавим, в свою очередь, что это правило работает на материале не только СМИ, но и официальных заявлений. При этом такие данные будут демонстрировать внутреннюю моду, которая транслируется в общество с целью его инкорпорирования в дискурс власти, создания иллюзии единства. Фиксация доминирующих слов-символов (модных слов) есть продукт популярности не их самих, а в первую очередь той тематики, к которой они принадлежат, того дискурса, который занимает главенствующие позиции в политическом языке на данном этапе своего развития.

Основываясь на вышесказанном, мы провели контент-анализ текстов Посланий Президента РФ Федеральному Собранию за период с 2000 по

9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С. 57.

10. Архангельский А. Тандемогия. Итоги «Слова года» - 2010 в России: десакрализация языка власти и общая апатия // Новая газета. - 2010, 24 декабря.

¹¹ Мисюров Д.А. Указ. соч. - С. 54.

2010 годы и проанализировали, каково соотношение употребления слов-символов в текстах. Послания, на наш взгляд, являются примером универсальных текстов. Несмотря на то, что институционально это внутренний текст (адресант — президент, адресат — законодательная ветвь власти), он транслируется для всего общества и является программным документом. Адресатом выступает не только ФС, но и весь народ. Следовательно, тексты имеют характер и внутренний, и публичный одновременно. Публичность текстов выражается также в том, что они являются открытыми документами, а их презентация выстроена в формате политического ритуала.

Слова-символы, занимающие доминирующее положение в текстах¹², разделены на две группы: 1) Инструментальные слова-символы («государство», «закон», «власть»); 2) Ключевые слова-символы («сила», «угроза», «стабильность», «модернизация»), под которыми мы вслед за Е.И. Шейгал понимаем «слова, связанные политическими инициативами и компаниями-однодневками»¹³.

Результаты анализа представлены в процентном отношении использования слов-символов к общему числу слов в тексте Послания. Под единицей счета понимается слово и производные от него (к примеру, государство, государственный, государственность и т. п.). Мы считаем, что с изменением части речи или его формы идея, заложенная в основание, не теряется, а только предстает в новой ипостаси.

В данной работе мы вводим такую величину как *порог необходимости*, под которым понимается то количество употреблений слова, без которого немислим политический текст властного дискурса в контексте современной ему ситуации. Президент технически не может обойтись без слова «государство», однако мера его употребления не должна превышать пределы разумного. Величину порога необходимости предлагаем считать как среднюю статистическую использования данного слова в течении всего анализируемого периода. Таким образом, мы попытаемся избежать дисбаланса тематик, требующих тех или иных слов.

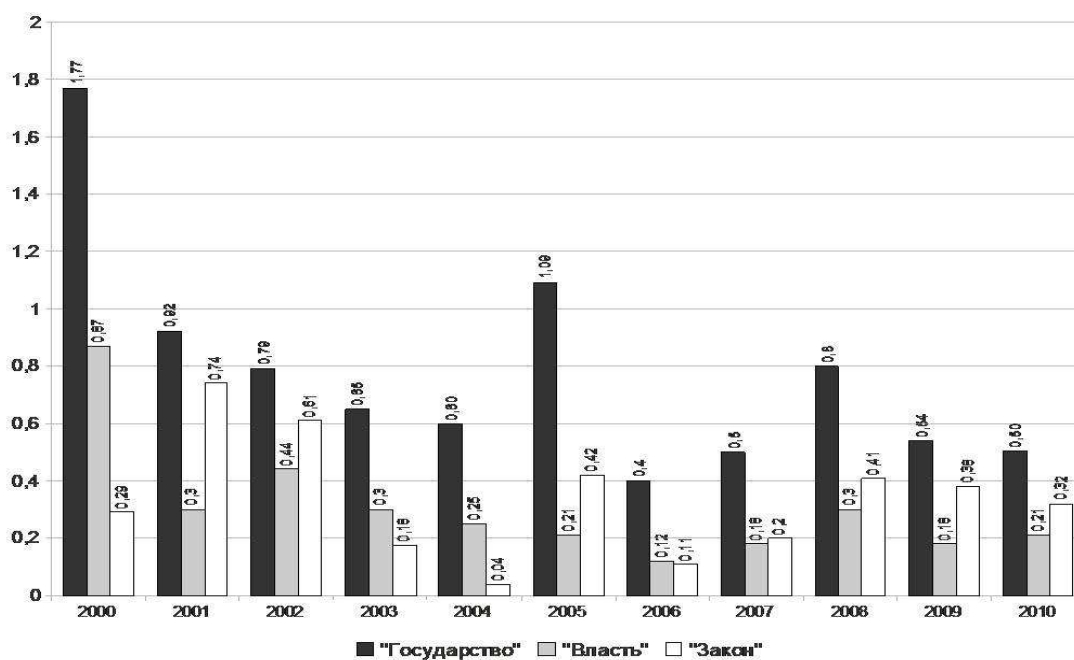
Простенько, но со вкусом: «государство», «власть», «закон»

Щеголять словом «государство» было модно в период с 2000 по 2005 гг. В первом послании В.В. Путина (2000 г.) это слово и его производные имеют подавляющее превосходство (1,77 %) над всеми другими, не считая концепта «власть», который вторит ему и поддерживает модный на тот момент дискурс укрепления вертикали власти. Укажем, что величина порога необходимости для слова «государство» составляет 0,78 %, и превышает в Послании 2000 г. более чем в два раза. Слово, столь часто повторяемое в дискурсе президента В.В. Путина в первые годы его правления, выражает

¹² Формат работы не позволяет проанализировать все результаты исследования, поэтому мы ограничимся только основными, наиболее яркими примерами. Сводная таблица уровня использования всех анализируемых слов представлена в приложении в конце статьи.

¹³ Шейгал Е.И. Указ. соч. - С. 67.

стереотипное представление о государстве как ключевом элементе российской политической системы. Таким техническим ходом актуализируется присущий российскому обществу этатизм. Современный человек «не может полностью отказаться от требований рациональности, - пишет Э.Кассирер. - Чтобы верить, он должен ощущать какие-то резонные основания для веры»¹⁴. Поэтому любое решение, любая проблема в дискурсе первых посланий Путина проходит через «государство», что дает этому слову значительную символическую власть.

Пик моды на термин «власть» пришелся так же на первое послание В.В. Путина 2000 г. (0,87 % при пороге необходимости 0,3 %). Приверженность этому понятию продолжалась в течение первой половины правления Путина, однако уходит на второй план вслед за дискурсом укрепления и стабилизации государственной системы. Отметим, что с приходом в Кремль Медведева происходит легкий рецидив моды на «государство» и «власть» (в Послании 2008 г. 0,8 % и 0,3 % соответственно), это обуславливается идеями нового президента о реформировании государственного аппарата. Внесение новаций, реальных или мнимых, в управление государством — обычная тактика для начального периода правления всех российских президентов. Но уже во втором Послании Д.А. Медведева 2009 г. уровень использования слов центристского характера падает. Эта тенденция продолжается и в последующем тексте 2010 г.

В отношении слова «закон» складывается примерно та же ситуация. Если при В.В. Путине употребление этого слова имеет скачкообразный характер, что объясняется конъюнктурными потребностями политической ситуации в стране (приведение в порядок законодательства, кодификация и т.д.), то все

¹⁴ Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. - № 2.

послания Д.А. Медведева отличаются стабильно средним использованием слова «закон» (0.41 %, 0.379 %, 0.321 % в посланиях 2008, 2009 и 2010 гг. соответственно). Приверженность третьего президента к идеям законности поддерживает его имидж либерального политика, который тщательно формировался до его избрания. Но следует отметить тенденцию к снижению доли употребления слова «закон» во втором и третьем послании Д.А. Медведева, и параллельный процесс создания образа жесткого и решительно правителя.

Таким образом, динамика использования инструментальных слов-символов демонстрирует, что первый срок В.В. Путина представляет собой явную приверженность государственным символам. Мода на укрепление государства и политический курс на стабильность активно поддерживается идеей «государства» как необходимого и важнейшего элемента российского общества. «Власть» выступает в качестве ключевого интегративного звена социальных отношений, формируется идея централизованной власти как наиболее приемлемой для России. Мода на эти термины в начале 2000-х является вполне рациональной, так как 1990-е показали несостоятельность демократического проекта в России. Общество нуждалось в ориентире, сильной и единой власти.

Спад популярности «государства», «власти» и «закона» в период второго правления Путина можно объяснить необходимостью изменения политической стратегии, так как идея укрепления вертикали власти уже несколько устарела. На смену реформистским идеям приходят идеи стабильности, социальной политики и экономического развития.

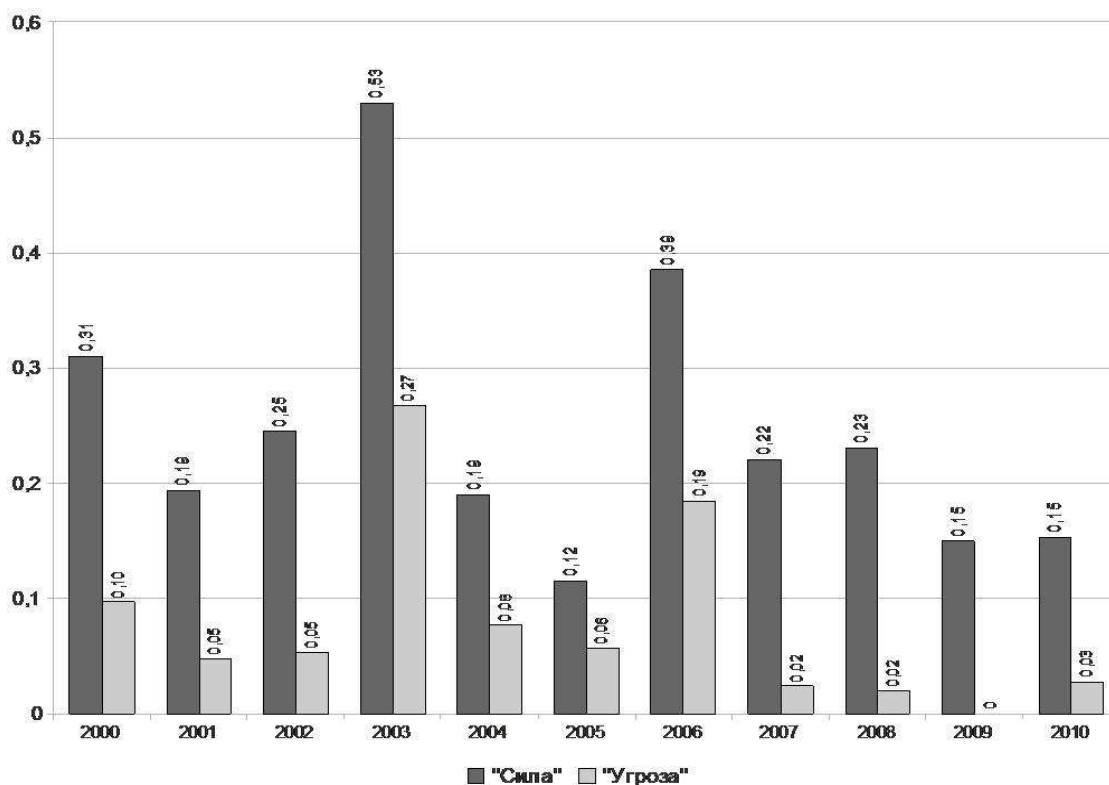
Период правления Д.А. Медведева отличается постепенным отказом от однообразного дискурса путинских лет. Отмечается падение доли употребления инструментальных слов-символов и переход к сбалансированному политическому дискурсу. Мода на государственнические термины прошла.

Яркое не всегда в моде: «сила», «угроза», «стабильность», «модернизация»

Идеи, выражаемые словами «сила» и «угроза» были популярны в дискурсе власти в период правления В.В. Путина. Это логично, так как В.В. Путин предстал перед обществом как «силовик», как человек, получивший политическое воспитание в военизированной среде. Исходя из этого, его дискурсу присущи резкость, четкость и доминирование терминов паравоенного характера.

В 2000 г. В.В. Путин активно пользуется словом «сила» и его производными в контексте идей укрепления государства (0,311 %). Как пишет М.В. Гаврилова для дискурса второго президента характерно использование глаголов с семой «сохранить», «предохранять» совместно с термином «государство». При этом ключевые семантические связи, определяющие сильное государство - «во-первых, законность и порядок, и

во-вторых, единение людей, доверие народа правительству»¹⁵. Реформирование государственного аппарата, экономическое развитие есть залог создания сильной страны. Отметим, что главный акцент поставлен здесь на сохранение, «спасение России от неминуемой гибели». «Сила» является одним из основополагающих терминов периода второго президента, не считая конъюнктурного падения популярности в 2005 году до 0,115 %.

Д.А. Медведев начинает свое правление с продолжения традиции, используя слово «сила» достаточно часто. Однако это количество не дотягивает даже до порога необходимости, который составляет 0,277 %. В течение 2009-10 гг. уровень использования идеи силы становится еще меньше. Д.А. Медведев постепенно отказывается от излюбленных слов В.В. Путина, создавая новую речевую моду.

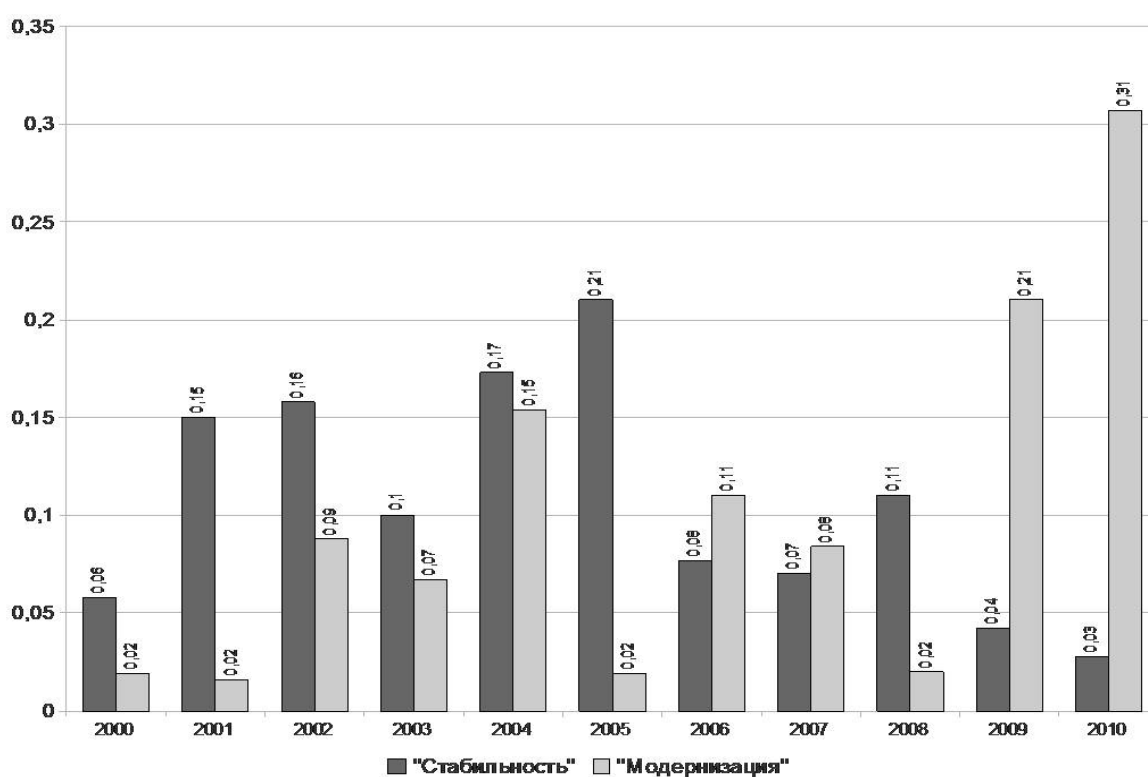
Аналогичная ситуация с идеей «угрозы». Ее скачкообразное использование в период правления В.В. Путина (пики: 2003 г. - 0,267 %; 2006 г. - 0,185 %) сменяется стабильно низким употреблением с 2008 г., с приходом Д.А. Медведева к власти. В Послании 2009 года президент ни разу не обращается к слову «угроза».

Такое соотношение популярности слов паравоенного характера показывает нам идейные ориентации двух президентов. Если В.В. Путин откровенно опирается на идеи силы и противодействия ей, периодически поддерживает миф внешних и внутренних врагов российского народа, то Д.А. Медведев в дискурсивном измерении более толерантен и аккуратен в

¹⁵ Гаврилова М.В. Смысловая модернизация русского политического дискурса: на примере экспликации концепта «государство» // Полис. 2007. - № 3.

подобных выражениях, по крайней мере, в таком авторитетном выступлении, как Послание Федеральному Собранию.

Перейдем к наиболее значимым в символическом срезе идеям двух президентов России. Ключевое модное слово периода правления В.В. Путина — «стабильность», квинтэссенция всего политического курса второго президента. Его употребление в течение всего периода правления остается на высоком уровне и имеет наивысшую точку в 2005 г. (0,21 %), когда президент подводит итоги первого срока президентства. Если до этого времени слово «стабильность» использовалось в контексте целеполагания, то с 2005 г. — в контексте достигнутых целей. При этом последующие послания Путина содержат уже намного меньшее количество употреблений идеи «стабильности», что говорит о корректировке политического курса, о

признании наличия в нем изъянов.

Период правления Медведева, в свою очередь, начинается со среднего уровня употребления «стабильности» (в 2008 г. уровень совпадает с порогом необходимости и равен 0,11 %). Такая тактика объясняется тем, что новый президент к тому времени остается в рамках дискурсивного поля своего предшественника. На это существенно влияет и факт присутствия Путина в должности премьер-министра, что позволяет ему занимать значительную часть информационного потока. С сокращением доли Путина в СМИ и официальном дискурсе, возникает тенденция снижения идеи «стабильности», в 2009 и 2010 гг. фиксируется устойчивое падение популярности этого слова в Посланиях Федеральному Собранию.

Параллельно с нивелированием моды на «стабильность» возникает ключевое слово нового президента - «модернизация». Если в 2008 г.

использование этого концепта составило всего 0,02 %, что в абсолютных числах значит всего 2 употребления, то в 2009 г. происходит резкий скачек. Уровень использования «модернизации» во втором послании Медведева имеет показатель 0,21 % (20 раз), в 2010 г. — 0,31 % (22 раза). Это говорит о возникновении нового идеологического ориентира, новой речевой моды, соответствующей политическому курсу третьего президента.

Отметим, что в посланиях Путина слово «модернизация» так же использовалось, однако его уровень употребления был незначителен, а колебания - не показательны. Следует выделить только Послание 2004 г., в котором степень использования термина составил 0,15 %. Данный случай демонстрирует эффект влияния доминирующих тематических блоков на количество употреблений тех или иных слов. В Послании большое внимание уделено реформе армии, ее технической и управленческой модернизации, поэтому использование этого слова и оказалось на высоком уровне.

Таким образом, тенденция «поиска философского слова», используя терминологию А. Архангельского, для формирования идеологической основы политического режима присутствует в дискурсе обоих президентов. Принятие за основу того или иного концепта, вывод его на уровень речевой моды является проявлением того курса, который выбран политическим актором. Путин на фоне 1990-х гг. выбирает идею стабильности, что было актуальным и злободневным решением на тот момент. Медведев отказался от моды на стабильность, ставшей причиной стагнации в последние годы правления предшественника, и начал формировать новое идеологическое направление, прогрессистское, опирающееся на концепт «модернизация». Успешность этой дискурсивной стратегии будет ясна позже, на данный момент она выполняет свою ключевую функцию, которая заключается в создании для Медведева позитивной ассоциации.

Гламур и дискурс¹⁶

Далее мы попытаемся рассмотреть причины популярности речевой политической моды и формы ее взаимодействия с публичной средой, которая вовлечена в политику только опосредованно. Тенденция, когда популярные слова власти переключаются в публичный дискурс и становятся в нем ключевыми «узловыми точками социальной реальности»¹⁷, если использовать терминологию Э. Лаклау и Ш. Муфф, стала уже закономерным в российской действительности. Это навеивает ассоциации с противоречиво воспринимаемым в массовом сознании гламуром, который, несмотря на отрицательное отношение большинства, остается популярным объектом преклонения. Властные слова-символы у всех на слуху, от того они и потеряли ту функциональную насыщенность, которую имели изначально, но остаются популярны и используются на каждом шагу, к месту и не к месту.

¹⁶ Из идей книги В. Пелевина «Ампир В: повесть о настоящем сверхчеловеке» (М.: Эксмо, 2010).

¹⁷ [Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. - 2-е изд., испр. - Харьков: Гуманитарный центр, 2008. С. 60.](#)

Обратимся к идеям Г. Зиммеля о моде и ее социальном назначении. В нашей интерпретации из работ классика можно выделить ряд социальных функций моды, которые справедливы и для речевой моды на определенный тезаурус в политической сфере.

Во-первых, мода — это социальный инструмент идентификации. «Мода означает, с одной стороны, присоединение к равным по положению, единство характеризуемого ею круга и именно этим отъединение этой группы от ниже ее стоящих, определение их как не принадлежащих к ней»¹⁸. Соответственно, использование словаря власти есть подражание и демонстрация принадлежности к властным структурам, идейной или реальной близости к ним. «Под властью моды — пишет Ж. Бодрийяр, - исчезает само отношение субъекта и объекта»¹⁹. Этот феномен распадается на два различных аспекта. С одной стороны, использование слов-символов власть придерживающимися, принадлежность которых к правящей группе показывается их социальным статусом (чиновник, депутат и т.п.), есть демонстрация идеологического единства и консолидации правящей элиты (с учетом доминирования одной партии в политическом пространстве это еще более актуально). Здесь на первый планы выходит функция отчуждения остального общества от власти и привилегий. С другой стороны, наоборот, употребление терминов власти субъектами публичного дискурса — это акт солидарности, желание быть заодно с теми, кто правит. Таким образом, речевая мода не является односторонней. Как и большинство социальных явлений, она работает в рамках идентификации «мы-они».

Во-вторых, речевая мода в своей сущности представляет собой подражание заданным властными субъектами дискурсивному поведению (использование определенного набора слов-символов). «Подражание освобождает индивида от мучений, связанных с выбором, и позволяет ему выступать просто в качестве творения группы, сосуда социальных содержаний»²⁰. Мода позволяет объекту своего воздействия перекладывать ответственность за серьезные решения с индивидуального уровня на коллективный. В определенном смысле этот феномен включает в себе позитивный эффект консолидации, причисления индивида к группе. Однако он же является причиной гражданской пассивности, политической неграмотности и бытовой безответственности. Наличие одной дискурсивной стратегии в информационном поле современной России приводит к пониманию отсутствия альтернативы, и за неимением другого вынуждает следовать единственному варианту большинство граждан, что нивелирует диалог как форму достижения общественного консенсуса по ключевым вопросам.

В-третьих, мода «удовлетворяет потребности в социальной опоре, приводит отдельного человека на колено, по которой следуют все, дает

¹⁸ Зиммель Г. Мода // Избранное: в 2 томах / Пер. с нем. Т. 2. Созерцание жизни. - М.: Юрист, 1996. - С. 268.

¹⁹ Бодрийяр Ж. Указ. соч. - С. 170.

²⁰ Зиммель Г. Указ. соч. - с. 266.

всеобщее, превращающее поведение индивида просто в пример»²¹. Речевая мода позволяет индивиду ощущать социальную опору, осознание того, что его деятельность не единична, а основывается на предшествующем и разделяется многими. Это можно назвать функцией ориентирования и источника позитивной энергии. Идеи модернизации, популярные ныне в политическом дискурсе, являют собой некоторое идеалтипическое представление о развитии страны, что в определенном смысле становится целью, ориентиром. Модернизация ради модернизации - действия ради идеи. «От такой целесообразности без цели, которую являет нам мода, мы и можем получать удовольствие»²². Многие группы населения верят в реалистичность проекта модернизации, по февральским (2011 г.) данным Фонда «Общественное мнение», около трети населения страны полагает, что через год ситуация с модернизацией и техническим оснащением будет лучше. При этом уверенных в бесперспективности модернизации всего 4 %²³.

В-четвертых, речевая мода выступает в качестве формы политической социализации. Главный механизм моды как института социализации — это приобщение к некоторому целому, к коллективу и его отличительным признакам. Логично предположить, что индивид, не использующий определенный тезаурус, принятый во властном кругу, не станет его частью. Отрицание такого субъекта будет происходить через претензии к образованности, грамотности, способности мыслить в соответствии со временем. Аналогично и процесс формирования политического субъекта в современном российском обществе происходит через научение говорить «правильно».

В то же время необходимо учитывать, что явление моды амбивалентно: если существует группа, подчиняющаяся ей, то существует и такая, которая не ее приемлет. Проявления такой стратегии можно отыскать в интернет-пространстве и в публичном дискурсе. Так, А. Архангельский отмечает, что в публичной сфере 2010 г. «ключевая тенденция — десакрализация властного дискурса. Когда благостными словами прикрывается лицемерие, обман, воровство, естественная реакция языка — перевернуть, распотрошить, исказить сакральное»²⁴. Власть в сознании общества перестает быть чем-то неприкасаемым и во всем правым, критика становится массовым социальным явлением. Речевая мода и слова-символы как ее элемент являются наиболее частыми объектами поругания, которое выливается в скептическое отношение к политическому курсу, выражаемыми словами «модернизация», «инновации» и т. п. Однако реакция публичного дискурса на моду и политические слова-символы — это тема отдельного исследования.

На вкус и цвет товарищи есть!

²¹ Зиммель Г. Указ. соч. - с. 267.

²² Бодрийяр Ж. Указ. соч. - с. 170.

²³ Модернизация в России // Сайт Фонда «Общественное мнение», 24.02.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d08mvr11.pdf> (проверено 11.04.2011).

²⁴ Архангельский А. Указ. соч.

Речевая мода на политический тезаурус — явление естественное и неизбежное. Формирование идеологической основы партии или государства в целом проходит через процесс «обожествления» определенных понятий. Так, мы наблюдали, как во время В.В. Путина формировалась идеология стабильности, подкрепленная государственным патернализмом. «Стабильность» как слово-символ возникла не спонтанно, а на основе конъюнктурной потребности, ситуация требовала формирования прочной, способной просуществовать достаточно длительное время идеи. «Когда паника носится в воздухе, кризис сменяется кризисом, а к реальным опасностям примешиваются воображаемые страхи — тогда невозможно конструктивно использовать разум и любой порядок кажется предпочтительнее любого беспорядка»²⁵. Однако идея стабильности не возникла из ниоткуда, а скорее стала итогом управленческой практики. Мода на идеологию стабильности, укрепления государства и вертикали власти прошла, как только ключевые цели были достигнуты. И слово-символ перестало быть популярным — умерло.

В.А. Зорин определил президентство В.В. Путина в терминах «модели администратора», что подразумевает под собой отстраненность, эмоциональную нейтральность, дипломатизм, макиавеллизм и - главное для нас - умение соответствовать обстоятельствам и легко менять образ деятельности²⁶. Проявление этого мы видим и в речевой стратегии В.В. Путина: легкость, с которой он актуализирует или нивелирует слова-символы («государство», «закон», «сила» и многие другие), демонстрирует нам расчетливого политика, знающего методы воздействия на аудиторию и эффективно ими пользующегося.

В свою очередь Медведев предстает перед обществом президентом-теоретиком. «Перераспределение властных ресурсов в рамках системы "президент - председатель правительства - доминирующая партия" заставляет его искать неявные возможности президентства»²⁷. Идея «модернизации» - лейтмотив периода третьего президента. В отличие от слов-символов Путина, она возникает одномоментно в послании 2009 г. как попытка одним броском создать новую идеологию, новый политический курс, тем самым отказавшись от гнетущего наследия предшественника. На фоне стагнации и мирового финансового кризиса идея модернизации выглядит продуктивной и жизнеспособной, однако сомнению можно подвергнуть методы формирования идеологии модернизации. Значительное повышение уровня частотности выглядит как навязывание, а не как проявление необходимости и актуальности.

Таким образом, доминирование определенного тезауруса в политической коммуникации является типичным проявлением речевой моды, но не единственным. Модным может быть стилистика речи, тон, грамматические формы и др. мода в политическом пространстве неизбежна,

²⁵ Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — С. 379.

²⁶ Зорин В.А. Модели политического лидерства российских президентов // Полис. 2010. - № 4.

²⁷ Зорин В.А. Указ. соч.

она есть естественное проявление относительного или абсолютного доминирования определенной политической силы. Вся проблема в степени доминирования: абсолютное доминирование исключает другие взгляды, другие термины, другую точку зрения. Однако в обществе всегда есть определенная группа, не желающая поклоняться моде. Как отмечал Г. Зиммель, «Модным подчас становится столь уродливое и отвратительное, будто мода хочет проявить свою власть именно в том, что мы готовы принять по ее воле самое несуразное»²⁸.

Опасность речевой моды в России заключается в упрощении, в превращении политического дискурса в театр одного актера и, что важно, одной пьесы. мода не возникает просто так, и даже не по воле определенной группы, важным является и безволие другой, которая исключается посредством моды. Без укоренившейся привычки критически относиться к поступающей информации «другие», «немодные» останутся не услышанными и не включенными в процесс принятия решений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Использование слов-символов в Посланиях Президента Федеральному Собранию за период с 2000 по 2010 год

(крупным шрифтом указаны абсолютные показатели, мелким —
относительные в %)

Год / Слово	20 00	20 01	20 02	20 03	20 04	20 05	20 06	20 07	20 08	20 09	20 10	По- рог
<i>Государ- ство</i>	91	57	45	39	31	57	26	42	67	51	36	
	1,77	0,92	0,79	0,65	0,597	1,09	0,4	0,5	0,8	0,538	0,502	0,78
<i>Власть</i>	45	19	25	17	13	11	8	15	25	17	15	
	0,87	0,3	0,44	0,3	0,25	0,21	0,12	0,18	0,3	0,18	0,21	0,31
<i>Эф- фект</i>	17	19	19	11	12	11	15	18	15	22	13	
	0,33	0,3	0,334	0,19	0,077	0,21	0,23	0,216	0,18	0,232	0,181	0,23
<i>Задача</i>	15	17	13	13	23	10	15	14	13	22	14	
	0,29	0,27	0,228	0,228	0,443	0,19	0,23	0,17	0,156	0,232	0,195	0,22
<i>Закон</i>	15	46	35	10	2	22	7	17	34	36	23	
	0,29	0,74	0,61	0,176	0,038	0,42	0,11	0,2	0,41	0,379	0,321	0,34
<i>Выбор</i>	8	1	2	11	0	4	4	9	14	12	3	
	0,16	0,016	0,035	0,19	0	0,077	0,06	0,1	0,17	0,126	0,042	0,09
<i>Рост</i>	8	9	11	38	18	9	7	16	8	10	4	
	0,16	0,15	0,193	0,67	0,347	0,172	0,11	0,19	0,096	0,105	0,056	0,2
<i>Укреп-</i>	7	2	2	3	5	11	8	10	12	9	4	

²⁸ Зиммель Г. Указ. соч. - С. 268.

<i>ление</i>	0.136	0.032	0.035	0.53	0.096	0.21	0.12	0.12	0.144	0.095	0.056	0,14
<i>Приоритет</i>	5	5	3	3	3	2	8	11	4	2	6	
	0.097	0.08	0.053	0.53	0.057	0.038	0.12	0.13	0.048	0.021	0.084	0,11
<i>Стабильность</i>	3	9	9	6	9	11	5	6	9	4	2	
	0.058	0,15	0.158	0.1	0.173	0.21	0.077	0.07	0.11	0.042	0.028	0,11
<i>Сила</i>	16	12	14	30	10	6	25	19	19	14	11	
	0.311	0.193	0.245	0.528	0.192	0.115	0.385	0.217	0.228	0.147	0.153	0,28
<i>Угроза</i>	5	3	3	16	4	3	12	2	2	10	2	
	0.097	0.048	0.053	0.267	0.077	0.057	0.185	0.024	0,02	0	0.028	0,08
<i>Кризис</i>	4	1	2	3	1	0	0	2	17	0	7	
	0.077	0.016	0.035	0.53	0.019	0	0	0.024	0.2	0.105	0.097	0,1
<i>Модернизация</i>	1	1	5	4	8	1	7	7	2	20	22	
	0.019	0.016	0.088	0.067	0.154	0.019	0.11	0.084	0,02	0.211	0.307	0,1
<i>Общее число слов</i>	5146	6228	5699	5982	5184	5212	6548	8309	8325	9485	7173	-

Список литературы

1. *Андреева Р.П.* Энциклопедия моды. - СПб.: «Литера», 1997.
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть — 4-е изд. - М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2011.
3. *Гаврилова М.В.* Смысловая модернизация русского политического дискурса: на примере экспликации концепта «государство» // Полис. 2007. - № 3.
4. *Дебор Г.* Общество спектакля. - М.: Издательство «Логос», 2000.
5. *Зиммель Г.* Мода // Избранное: в 2 томах / Пер. с нем. Т. 2. Созерцание жизни. - М.: Юрист, 1996.
6. *Зорин В.А.* Модели политического лидерства российских президентов // Полис. 2010. - № 4.
7. [Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ: теория и метод. - Харьков: Гуманитарный центр, 2008.](#)
8. [Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. - № 2.](#)
9. [Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.](#)
10. [Максименков Л. Культ: заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свободная мысль. 1993. № 10.](#)
11. *Мисюров Д.А.* Политика и символы. - М.: РИП-холдинг, 1999.

12. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
13. *Щепанская Т.Б.* Символическая репрезентация власти: атрибутика // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В.Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе.— СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2006.